

ДЕНИС ШЕРЕМЕТЬЕВ

**КОЛОТЬ ИЛИ РУБИТЬ?
ПРИМЕНЕНИЕ КИНЖАЛА У НАРОДОВ КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ¹**

В статье описаны некоторые аспекты применения кинжала на Кавказе в XIX в., подробно рассмотрены технические возможности рубящего и колющего ударов кинжалом. В качестве модели, наглядно демонстрирующей культурные смыслы рубящего удара, предложена ситуация поединка изначально равных друг другу воинов. Сделан вывод о том, что рубящий удар кинжалом выражает превосходство воинского духа и право на осуществление власти. В качестве культурного контекста, наилучшим образом проявляющего культурные смыслы, связанные с колющим ударом, предложена ситуация борьбы со зверем, равенство с которым для воина невозможно. На конкретных примерах рассмотрены возможности и риски колющего удара в отношении сильнейшего противника. Сделан вывод о том, что два выделенных типа противоборства в чём-то различны и даже противопоставлены друг другу, но оба они способствуют реализации героического начала в культуре.

Ключевые слова: *кавказский кинжал, колющий удар, рубящий удар, воин-герой, поединок, борьба со зверем.*

Прагматика

Кавказский кинжал представляет собой оружие с прямым обоюдоострым клинком длиной в среднем 30—50 см [Аствацатурян, 1995: 9]. Такой размер

---

¹ В основе настоящей статьи лежат тезисы доклада, прочитанного в 2005 г. [Шереметьев, 2006]. В исходный текст внесены существенные дополнения и уточнения.

клинка позволяет не только колоть кинжалом, но и наносить рубящие удары. Подобный тип кинжала в ближневосточном регионе использовали издревле. Судя по изображениям II—I тысячелетий до н.э. из Месопотамии, Сирии, Палестины и Египта, в схватке кинжал использовали в основном для нанесения колющего удара в живот, солнечное сплетение или горло. Атака, как правило, сопровождалась захватом левой рукой - за волосы или за руку противника. По окончании схватки воины кинжалом добивали поверженного противника, затем отрубали или отрезали голову либо руку убитого врага [Горелик, 1993: 18; табл. V, рис. 1—5; табл. VI, рис. 6]. Складывается впечатление, что эта схема применения кинжала непосредственно связана с параметрами самого оружия и потому следовало бы ожидать встретить её там, где применялись кинжалы сходных размеров. Можно попытаться проследить подобный алгоритм действий на кавказских материалах XIX века.

Эффективность колющего удара в торс. После боя возле укрепления Герзель-аул 15 июля 1825 г. (здесь и далее даты по ст. ст.), в ходе которого войска под предводительством генерал-лейтенанта Лисаневича и генерал-майора Грекова сняли осаду с укрепления, выяснилось, что в нападении участвовали жители кумыкского аула Аксай, незадолго до того изъявившие покорность. 16 июля по приказанию Лисаневича в укрепление были приведены 318 человек лучших жителей Аксая. Все они были обезоружены, лишь некоторым было разрешено оставить кинжалы. Зная хорошо татарский язык, Лисаневич в оскорбительных выражениях упрекал собравшихся в измене, грозил одних повесить, а других наказать розгами. Затем генерал-лейтенант лично стал вызывать по именам наиболее провинившихся. Третий из вызванных, мулла Учар-Ходжа, выходить из толпы отказался, а при угрозе физического насилия бросился на офицеров с кинжалом в руках, генерал-майора Грекова убил на месте, а Лисаневичу нанёс смертельные ранения, в результате которых последний скончался через несколько дней. Случай этот стал широко известен, поскольку в его результате на кавказской линии не осталось ни одного генерала. Согласно описаниям [Дубровин, 1888: 536—537; Потто, 1885: 166—167], оба генерала погибли от колющих ударов в торс.

Горцы вполне осознавали опасность ударов в корпус тела. Хевсуры самыми опасными ранениями считали раны в область груди, от шеи до пояса. В ссорах между представителями разных родственных групп, заканчивавшихся вооружённым поединком («чра-чрилоба»), противники должны были проявлять выдержку и хладнокровие, остерегаясь нанести смертельное ранение и тем самым вызвать кровную месть. В таких случаях избегали наносить удары в грудь, живот, а также плечи и «суставы ног ниже колена» [Элашвили, 1956: 27]. Вполне естественно предположить, что при желании убить противника вооружённый кинжалом воин постарался бы нанести удар именно в торс, причём удар, скорее всего, был бы именно колющим, поскольку рубящим ударом сложнее повредить внутренние органы и такой удар считался менее опасным. Так, согласно обычаям чеченцев, за рубленую рану кинжалом платили 5 коров, а за колотую — 10, как за ранение из огнестрельного оружия [Зиссерман, 1879б: 439].

Необходимость ограничения подвижности противника. В 1835 г. на коменданта Воскресенского укрепления, расположенного на Кубанской линии, капитана Левашова, было совершено покушение. На народном собрании в одном из черкесских селений пожилого хаджи из княжеской фамилии Хамурзиных упрекнули в том, что он более не способен участвовать в военных набегах. Оскорблённый старик, вооружённый одним кинжалом, немедленно поскакал к ближайшему русскому укреплению и заявил, что желает переговорить с комендантом. Левашов вышел за ворота, не взяв с собою оружия, поскольку посчитал приехавшего присланным с линии лазутчиком. Неожиданно хаджи напал на капитана с обнажённым кинжалом, «хватая его за руку и приноравливаясь ударить его прямо в грудь», а Левашов был вынужден увёртываться от ударов. В конце концов комендант бросился бежать в поле, старый князь отстал от него и был застрелен солдатами [Торнау, 1864: 452—453]. 24 октября 1851 г. в деле у аула Тюмень-Чоглы в Дагестане, один из мюридов бросился с кинжалом в руках на подпоручика Свечина, но «тот успел уклониться в сторону, так что кинжал только слегка задел его руку» [Зиссерман, 1879б: 152]. В Герзель-ауле Учар-Ходжа, после нанесения смертельных ранений генералам Лисаневичу и Грекову, попытался ударить кин-

жалом старшину аула Аксай Мусу-Хасаева, который спасся, «успевши при-
сесть» [Потто, 1885: 166]. Приведённые примеры показывают, что от ударов
кинжалом можно было уклониться, поэтому так важно было для нападающе-
го зафиксировать противника на месте с помощью захвата левой рукой.

Добивание и расчленение тел побеждённых противников. 8 мая 1850
г. недалеко от аула Белокан были атакованы и убиты около 140 человек гру-
зинских милиционеров и русских солдат под командованием князя Николая
Кобулова. Отряд, преследовавший отступающих лезгин, подвергся нападе-
нию на идущей вдоль реки узкой тропинке, где можно было идти только по
одному. Сами условия местности, обеспечившие ограничение подвижности,
благоприятствовали применению кинжалов. На некоторых телах были обна-
ружены десятки сквозных кинжальных ран, что, несомненно, являлось след-
ствием добивания поверженного противника. Кроме того, лезгины отрезали у
всех убитых кисти правых рук, а некоторым отрубили головы [Зиссерман,
1879а: 333, 334].

Головы обычно отрезали известным людям, чтобы предъявить доказа-
тельство их смерти и собственной храбрости. Так, 8 февраля 1806 г. во время
церемонии передачи ключей от города Баку люди Хусейн-Кули хана, владе-
теля бакинского, убили из пистолетов и обезглавили кинжалами главноко-
мандующего в Грузии и на кавказской линии генерала от инфантерии князя
П.Д. Цицианова [Броневский, 1889: 508]. В тех случаях, когда личность
жертвы была не столь важна, действовали проще. Во время набега лезгин на
село Кварели в феврале или начале марта 1845 г. один из нападавших нанёс
удар кинжалом в голову переводчику Сукиясову, от чего последний «упал
замертво». Лезгин отрубил ему кисть руки и удалился, но, заметив, что по
ошибке забрал левую кисть, вернулся и отрубил правую. Подоспевшие сол-
даты прогнали горцев из села. Интересно, что злополучный Сукиясов, «бла-
годаря молодости и крепкой натуре», выздоровел и позднее занял пост квар-
тального надзирателя в Телаве, где А.Л. Зиссерман видел его «с приделанны-
ми к обеим рукам перчатками, туго набитыми шерстью» [Зиссерман, 1879а:
64, 65]. Обычай отрезать кисти правых рук у убитых врагов придерживались
также тушины и хевсуры. По данному поводу Ф.Ф. Торнау не без иронии за-

метил: «В глазах европейца этот обычай может показаться несколько не деликатным, но на Кавказе, где нам не раз приходилось видеть не только руки, но и отрезанные головы, о нем судили менее взыскательно» [Торнау, 1869а: 440].

Героика

Несмотря на убедительные подтверждения, применение кинжала не исчерпывается вышеизложенной схемой. Постараемся последовательно рассмотреть возможности, оставшиеся как бы за пределами описанной модели.

Рубящие удары. Известный хирург Н.И. Пирогов практиковал при осаде и взятии дагестанского аула Салты в 1847 г. Согласно его сведениям, кинжалами «действуют так же, как и шашками, с размаху», при этом кинжалы наносят раны более глубокие, хотя и не столь обширные. Например, рекруту Зозуле были нанесены 5 рубленых ран кинжалом. Две раны на голове проникали сквозь теменную кость, не повредив твёрдой мозговой оболочки. Рана на спине, в 12 поперечных пальцев длиной и шириной в ладонь, проникала сквозь все мышцы между 11 и 12-м ребром до самой брюшины. Другая рана длиной в 3 дюйма проходила под мышкой в промежутке между 7 и 8-м ребром, при этом рёбра были надрублены [Пирогов, 1849: 5, 9, 127]. Александр Дюма-отец, побывавший на Кавказе в конце 1858 — начале 1859 г., так передаёт впечатление от увиденных им возле селения Гели убитых лезгин: «Пуля проходит насквозь или остается в теле, образуя рану, в которую можно просунуть только мизинец — она посинеет вокруг и только. Но кинжальные раны — это настоящая бойня: у некоторых были раскроены черепа, руки почти отделены от туловища, груди поражены так глубоко, что даже виднелись сердца» [Дюма, 1988: 90].

Ясно, что для достижения такого результата помимо собственно кинжала нужен ещё и поставленный удар. Существуют некоторые данные о способах демонстрации и проверки соответствующих навыков. В 1841 г. Хан-Гирей публикует повесть, написанную на черкесском материале, в которой четырёхлетний сын убитого героя, предвкушая месть, рубит кинжалом дыни и арбузы [Хан-Гирей, 1989: 147]. О том, что подобная практика не просто ху-

дожественный образ, свидетельствуют этнографические данные 1880-х гг., относящиеся к горским евреям. В качестве развлечения мужчины, собиравшиеся на площади аула, на спор рубили кинжалом арбузы, поставленные в ряд [Анисимов, 1888: 72]. Очевидно, что подобные мишени имитируют человеческую голову, которая представляет собой трудную цель. Случаи с переводчиком Сукиясовым и рекрутом Зозулей ясно показывают, что разрубить голову сложно. Тем ценнее косвенные данные о правильно выполненном ударе. А.А. Бестужев-Марлинский в повести «Аммалат-бек», написанной в 1830—31 гг., приводит точную деталь: рубящий удар кинжалом по голове «со всего размаху» был «столь жесток, что кинжал остановился в зубах нижней челюсти» [Бестужев-Марлинский, 1995: 58].

В литературе, впрочем, чаще упоминается не разрубание головы, но её отсечение. А.Л. Зиссерман, вспоминая о своей службе в горной Грузии в 1844—48 гг., замечает, что «отрубание кинжалом с одного взмаха бараньих и коровьих² голов» считалось удалством, и это умение, наряду с успехами в скачках, джигитовке, стрельбе в цель, знанием языка, делало положение русского чиновника среди местного населения весьма заметным [Зиссерман, 1879а: 204]. Описывая молодецкую рубку кинжалом, А.А. Бестужев-Марлинский предвидит недоверие читателя и делает следующее примечание: «Очень забавно неверие европейцев к тому, что кинжалом можно отрубить голову; стоит пожить неделю в Азии для убеждения в противном» [Бестужев-Марлинский, 1995: 41]. Тем не менее, и в Западной Европе отсечение головы оружием с относительно коротким клинком не являлось чем-то совершенно неизвестным. По крайней мере, в Англии в XVII в. среди охотников существовал обычай, согласно которому добытого оленя обезглавливали ударом кинжала³ [Блэкмор, 2006: 53].

Идеология превосходства рубящего удара. Очевидно, что для нанесения столь впечатляющих рубящих ударов кинжалом необходимы навык и недю-

---

² Следует иметь в виду, что горские породы коров имеют сравнительно небольшие размеры.

³ В оригинале использовано слово *hanger*, которое может быть переведено на русский как 'кинжал' или 'кортик'. Этим термином обозначали все разновидности коротких мечей или длинных ножей для охоты и путешествий [Блэкмор, 2006: 37].

жинная сила. Вот характеристика литературного героя, абхазского абрека: «Он же дьявол! Пулю рукой отводит! Кинжалом разрубает на две части, как топором, свиную тушу!..» [Возба, 1991: 128.] Из приведённой цитаты видно, что умение разрубить кинжалом тушу на части стоит в одном ряду с выходящими за рамки обычных качествами героя — неуязвимостью и способностью внушать страх. Подобный контекст показывает, что расчленяющий удар кинжалом воспринимался как внешнее проявление особого статуса воина, его психологического превосходства.

Современные этнографы и лингвисты фиксируют представления о том, что уважающий себя воин должен именно рубить кинжалом. Так, у вайнахов колоть кинжалом считалось большим позором, неумением воевать и владеть оружием, «самым лёгким способом победить врага». Вайнаха, нанёсшего кому-либо колющий удар, называли «ублюдок, кольнувший кинжалом» [Алироев, 1990: 277]. У адыгов молодых воинов учили наносить удар кинжалом сверху вниз, а не колоть, поскольку «пырнуть человека кинжалом считалось предосудительным и недостойным воина-рыцаря» [Мафедзев, 1986: 122]. Учёным вторят писатели, знатоки местной жизни. Литературный герой, абхаз, учит мальчиков: «Запомните! Кинжалом нельзя колоть врага. Это ремесло воришек. Надо крепко зажать рукоять, размахнуться и бить сверху, сечь!..» [Гамсахурдиа, 1964: 67]. Судя по приведённым сведениям, колющий удар считался «слишком лёгким» в исполнении, т.е. в схватке воин, согласно культурной норме, не должен был преследовать чисто утилитарных задач по достижению победы самым простым и эффективным способом. Вероятно, вооружённая борьба мыслилась не как совокупность более или менее действенных технических приёмов, но как способ продемонстрировать и утвердить превосходство воинского духа; не как *технология*, но как *психомахия*. В наиболее чистом виде такой подход проявляется в индивидуальном поединке, поэтому ответ на вопрос, почему кинжалом «правильнее» рубить, а не колоть, следует искать в представлениях о единоборстве.

Поединок: определение статуса. В общем случае поединок можно рассматривать как способ установления определённой иерархии. В поединке сходятся стороны, претендующие на победу, и в этом смысле *равные*; в ре-

зультате поединка равенство нарушается: определяются победитель и побеждённый. Шаткое равновесие через обозначение и разрешение конфликта преобразуется в более устойчивую иерархическую структуру. В практическом плане таким образом мог быть решён вопрос о власти, подтверждение чему содержит кабардинское предание «Лашин-победительница». Действие сказания разворачивается в «стародавние времена», в некоем мифическом прошлом, где, однако, действуют вполне исторические кабардинцы и калмыки. Центральное место в предании занимает борьба пелуанов (от иранского *пеклеван* — богатырь, борец), при этом калмыки, привозя своих пелуанов, «наезжали с войском», а проигравшая в ходе поединка сторона платила дань. Характерна фраза калмыкских борцов: «Коли в селениях пелуаны повывелись, то нужно сейчас же поставить там наших управителей». Таким образом, проигрыш в борцовском поединке равнозначен установлению вассальных отношений в результате военного поражения, а отказ от борьбы означает потерю субъектности. Поскольку в символическом плане поединок пелуанов равен сражению, то для проигравшего дело может окончиться смертью. Например, боровшаяся за кабардинцев, Лашин одному пелуану вырвала руки, другому пальцем «насквозь проткнула брюхо», в результате чего оба, естественно, погибли [Кабардинский фольклор, 1936: 67—69]. Кроме того, с проигравших калмыков кабардинцы сняли всё оружие и снаряжение, отпустив их домой в одних рубахах, т.е. поступили с ними как с мёртвыми [Дубровин, 1871: 219]. В сказании «Бой с Тотрешем» проигравшего не просто убивают, но расчлениают: ему отрезают голову [Кабардинский фольклор, 1936: 26]. Таким образом, согласно культурной модели в поединке решается вопрос о власти (статусе), а смерть есть непосредственное следствие проигрыша, она как бы фиксирует, подтверждает результат поединка.

Эта нормативная модель была реализована в ходе поединка Мстислава и Редеди, который обычно датируют 1022 г. Единоборство, происходившее открыто на глазах воинов обеих сторон, заинтересованных в решении политического спора, являлось ничем иным и воспринималось современниками не иначе, как ритуал передачи власти. Поскольку власть не мыслилась как нечто абстрактное, отвлечённое от носителя власти, её передача осуществлялась в

зримой и чувственной форме приобщения победителя к крови побеждённого, его жизненной (физической и духовной) силе. Таким образом, гибель одного из вождей была неотвратима. Победив в единоборстве касожского князя, Мстислав приобрёл власть над всей адыгской общностью, признававшей первого своим сувереном. Не случайно летопись не говорит о сопротивлении адыгов (касогов) Мстиславу после поединка [Гадло, 1994: 88, 89].

Поединок: демонстрация доблести. В 1991 г. на русском языке в переводе с абхазского была опубликована повесть А.Б. Возба «Хаджарат Кяхба», где упоминался поединок на бурке. «Спрашиваешь насчёт бурки, которую бросают? Это очень древний обычай. В наше время — редкость... Два героя встают на брошенную перед ними бурку и решают спор. Кинжалом, саблей или пулей по выбору. Но, не сходя с бурки! ...Это кончается чаще всего двумя гробами. И очень редко — одним, по счастливой случайности [Возба, 1991: 244]. В 2000 г. вышла работа А.С. Марзея, в которой находим следующие сведения: «Один из известных черкесам способов поединка назывался «ЩаКІуэ кІапэ» (ЩаКІуэ — бурка, кІапэ — конец). Дрались кинжалами, встав на края расстеленной на земле бурки, причём колоть было нельзя, можно было только рубить. В случае если один из противников сходил с бурки, другой имел право его заколоть» [Марзей, 2000: 179]⁴. Наконец, в 2013 г. увидела свет статья Б.Х. Бгажнокова, посвящённая, собственно, поединкам в черкесской традиции. Автор сообщает важные подробности: поединок назывался *щІаКІуэзэпыдзэ*, буквально «вбрасывание бурки»; не принявший вызов признавался побеждённым, а его соперник мог снять с него всё оружие; в ходе поединка запрещалось наносить колющие удары кинжалом, бороться, бить кулаками и ногами, а также сходить с бурки; если один из соперников сходил с бурки, то другой мог нанести колющий удар. В статье есть ссылки на сведения, полученные от четырёх почтенного возраста информантов из разных сёл Кабардино-Балкарии, причём некоторые информанты видели поединок на бурке собственными глазами. Опираясь на рассказы свидетелей, верхней

---

⁴ Данные эти сопровождаются ссылкой на выдержки из книги Н. Ф. Дубровина, помещённые в сборнике «Материалы для истории черкесского народа», изданном в Нальчике в 1991 г. В доступных мне библиотечных собраниях этого издания нет, но сама книга Н. Ф. Дубровина хорошо известна и в ней нет упоминаний о поединке на бурке.

границей бытования этого поединка следует считать 20-е гг. XX в. [Бгажников, 2013: 86—87.]

Мы не располагаем достаточным количеством надёжных свидетельств, позволяющих рассмотреть данную форму единоборства как историческое явление, но мы можем рассмотреть приведённые выше сведения как зафиксированный в фольклоре и практике образ героического поединка. Выделим некоторые важные для нашей темы аспекты этого образа, и начнём, естественно, с бурки.

Как показывают специальные исследования, с буркой, непременным атрибутом воина-всадника, народы Кавказа связывали важные культурные смыслы. В частности, бурка символически соотносилась с пространством как таковым, в частности — с выделенным пространством, в том числе — с пространством сакральным [Ботяков, 2004: 191—193]. Соответственно, поединок на бурке представлял собой из ряда вон выходящее событие, подчёркнуто выделенное из обычного пространства и времени. Можно сказать, что обычному пространству, правилам, состоянию, противопоставлялись не просто необычные, а в некотором смысле идеальные пространство, правила, состояние. Правила поединка на бурке предусматривали ряд ограничений: невозможность разрыва дистанции, маневра, управления противником с помощью захвата. Т.е. участники поединка отказывались от большинства технических действий, позволявших получить преимущество в данной тактической ситуации. Из технических действий остаётся только рубка, причём уклониться от встречного рубящего удара оказывается практически невозможно. Ясно, что рубящий удар кинжалом не предполагает возможность «перетерпеть» противника, однако, для воина выдающихся качеств возможно было пребывание в особом состоянии, в котором полученные раны не имеют значения. Собственно говоря, вся ситуация поединка на бурке сконструирована таким образом, чтобы продемонстрировать возможность пребывания в героическом, яростном состоянии, и элиминировать всё то, что пребыванию в этом состоянии может помешать.

В рамках такого подхода противопоставление рубящего и колющего ударов «прочитывается» совершенно однозначно. Рубящий удар оказывается

идеально приспособленным для демонстрации доблести, неустранимости, пренебрежения ранами, а колющий удар как бы затемняет, мешает реализовать доблесть в полной мере, ввиду своей «излишней» эффективности. Неслучайно Б.Х. Бгажноков замечает, что принятые в рамках поединка на бурке ограничения, не исключая тяжелые ранения и увечья, снижали вероятность смертельного исхода [Бгажноков, 2013: 87]. Для героев важно было не столько убить, сколько превзойти соперника или, по крайней мере, не дать превзойти себя. Соответственно, в отношении того, кто не способен пройти испытание, кто вышел за рамки честного поединка, ограничения отменяются: недостойного не надо побеждать, его можно просто убить.

Поединок: утверждение нормы. Дополнительные нюансы в восприятии колющего и рубящего ударов демонстрирует известный эпизод, произошедший с майором Евдокимовым, будущим графом и генералом от инфантерии, а в тот момент койсубулинским приставом, ведению которого были поручены горские общества, расположенные по рекам Аварскому и Казикумыхскому Койсу. 6 марта 1842 г. Н.И. Евдокимов занял с небольшим отрядом селение Унцукуль, в котором незадолго до того утвердился гарнизон из 80 мюридов Шамиля. Случилось так, что один из унцукульских мюридов смог подбежать к Николаю Ивановичу со спины и нанести два колющих удара кинжалом — в левый бок и правое плечо. Далее показания источников разнятся. Согласно рапорту генерал-лейтенанта Фезе, написанном через день после события, унцукульцы изрубили мюрида на месте, убили его мать и сестру, а также разорили его дом [Акты, 1884: 354]; о действиях самого майора Евдокимова после ранения не упоминается. В статье подполковника Борисевича, помещённой в Военной энциклопедии Сытина, приводятся дополнительные подробности. По версии А.Т. Борисевича, Н.И. Евдокимов после ударов кинжалом, «не растерявшись, выхватил шашку, быстро обернулся и разрубил горца наискось, от плеча до середины груди». Происшествие это произвело на горцев сильное впечатление. Для находившегося без сознания Евдокимова издали привезли искусного *хакима* (врача), благодаря стараниям которого и заботливому уходу койсубулинский пристав уже через два месяца смог отправиться в новую экспедицию [Военная энциклопедия, 1912: 276].

Оставим в стороне вопрос о том, как оно было «на самом деле». Попробуем рассмотреть описанную ситуацию как систему образов, причём допустим, что системность образов носит неслучайный характер. Очевидно, что действия мюрида прямо противоположны логике героического поединка — он атакует неожиданно, сзади, наносит дважды колющий удар. Основание для подобных действий можно усмотреть в принципиальном неравенстве сторон конфликта. Н.И. Евдокимов возглавлял военный отряд, занявший Унцукуль при поддержке местных жителей, сопротивление мюридов было подавлено, некоторые из них были убиты — сама ситуация исключала какое-либо соревнование в доблести. Мюрид пошёл на верную смерть, попытавшись убить главного врага, демонстрируя тем самым непримиримость и желание нанести максимальный ущерб противнику. В ответ пристав Евдокимов не только показал поистине выдающиеся воинские качества, но и реализовал их в иной, героической, логике действий: он проигнорировал тяжелейшее ранение, развернулся лицом к нападавшему и убил его одним рубящим ударом. Героическая норма поведения, явленная в мир, моментально любой другой форме поведения, вне зависимости от её обоснованности, придаёт негероический и, следовательно, низший статус. Очевидно, что, помимо прочих обстоятельств, уважение к Евдокимову и гнев по отношению к неудачливому убийце со стороны местных жителей объяснялись «нормативными» действиями одного и оказавшимся на этом фоне «недостойным» поведением другого.

Остаётся добавить, что претензия на героический статус, т.е. на превосходство, синонимична заявке на власть. Соответственно, осуществление власти оказывается так или иначе связано с героическими образами. По-видимому, не случайно замечание А.А. Бестужева-Марлинского об Аварском хане, который имел право приказать своим нукерам *изрубить* кинжалами любого жителя Хунзаха, и даже любого проезжего [Бестужев-Марлинский, 1995: 24]. Мы видим, как в ситуации утверждения власти и поддержания порядка кинжал мыслится преимущественно рубящим оружием.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что в поединке сталкиваются равные друг другу по статусу оппоненты; в ходе поединка статусы из-

меняются — определяются победитель и побеждённый; реализация доминантного статуса есть проявление власти. Рубящий удар кинжалом выражает идею превосходства воинского духа, утверждая мужское начало в его высших, с точки зрения воинской культуры, проявлениях.

Арханка

Существует сюжет, пройти мимо которого, рассуждая о применении кинжала на Кавказе в XIX в., было бы непростительно. В нашем распоряжении есть два свидетельства, относящиеся к 1830-м гг. Ф.Ф. Торнау, весьма точный наблюдатель, пишет об абреках: «Видя отрезанными все пути к спасению, они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкою на присошке и отстреливались, пока было возможно...» [Торнау, 1864: 459]. А.А. Бестужев-Марлинский в художественной форме описывает ту же ситуацию: «Умрем! Умрем! только славно умрем! — закричали все, вонзая кинжалы в ребра коней своих, чтобы они не достались врагам в добычу, и потом, сдвинув из них завал, залегли за него, приготовляясь встретить нападающих свинцом и булатом» [Бестужев-Марлинский, 1995: 37]. Поскольку на основании столь ограниченной информации трудно делать сколько-нибудь определённые выводы о том, как именно наносили удары кинжалом в подобной ситуации, попробуем посмотреть, как вообще может быть осуществлён забой лошади.

Традиционные способы забоя лошади. Оставляя в стороне те способы умерщвления, которые не требуют применения ножа или кинжала (например, удушение), перечислим вкратце наиболее распространённые в практике коневодов методы забоя.

Широко известный среди кочевников способ умерщвления, характерный, в первую очередь, для забоя овец, состоял в следующем. Животное укладывали на землю брюхом кверху и фиксировали в этом положении; в брюшной части, под грудиной, ножом делали надрез в брюшине; забойщик, просунув руку в надрез, большим пальцем правой руки протыкал диафрагму и, найдя аорту под сердцем у спинного хребта, разрывал её. Вся кровь животного сливалась в грудную полость; нельзя было допустить, чтобы кровь была

пролита на землю. Забой осуществляли в одиночку или с помощником. Есть сведения, что таким образом умерщвляли и лошадей во время жертвоприношений [Дашинимаев, 2005: 197].

Ещё один способ описывают так: животное валили на землю и фиксировали верёвкой; на шкуре в области затылка делали поперечный надрез, после чего перерезали спинной мозг в месте сочленения черепа с позвоночником. Затем животное обескровливали, надрезав яремную вену в основании грудины [Даржа, 2003: 80].

Существовал и более простой метод забоя: на голову лошади надевали мешок, чтобы прикрыть ей глаза, а затем оглушали её ударом обуха топора по лбу. Когда лошадь падала, острым ножом перерезали горло, чтобы выпустить кровь, которую собирали в деревянное корытце [Дашинимаев, 2005: 198—199].

Забой в соответствии с нормами ислама в России XIX в. называли «татарским»; на городских конебойнях он осуществлялся следующим образом. Лошадь стреноживали, связав передние ноги и подтягивая к ним заднюю ногу при помощи веревки, просунутой между передними ногами. После падения животное оказывалось лежащим на боку с вытянутыми ногами. Бойник поворачивал голову лошади «горлом на полдень», и, после предварительной молитвы, перерезал шею, практически отделяя голову от туловища [Бахтияров, 1905: 136—137].

Редкий способ забоя лошади зафиксирован у некоторых групп северных алтайцев. Выбранное для жертвоприношения животное помещали в клетку из жердей, в которой лошадь не могла развернуться. Каждый из присутствовавших мужчин наносил колющий удар ножом в грудь лошади, пока та не падала на землю. Кровь собирали в особые сосуды, для того, чтобы использовать в последующих ритуалах [Хильден, 2000: 86; Бельгибаев, 2004: 134].

Все перечисленные способы забоя лошади имеют разное социокультурное значение, но в данном случае нас интересует то общее, что у них есть. Итак, лошадь забивали, как правило, не в одиночку; животное предварительно обездвигивали, чаще всего с помощью верёвок; забой мог быть разделён на две последовательные фазы — оглушение и обескровливание; особое зна-

чение придавалось манипуляциям с кровью убитого животного. Как мы видим, все главные черты забоя лошади оказываются нереализуемыми в обстановке боя. Жёсткое ограничение по времени не оставляет возможности для последовательного выполнения этапов «мирного» обряда. Складывается впечатление, что фраза А.А. Бестужева-Марлинского «вонзая кинжалы в ребра коней своих» является не только художественной формулой. Для проверки этого предположения обратимся к охотничьей практике.

Териомахия: достойный противник. И.А. Гильденштедт, побывавший в Грузии в 1771 г., приобрёл в селе Садахло (расположенном на юге нынешней Грузии, практически на границе с Арменией) шкуру леопарда, который напал на двух юношей и сильно их покусал. Молодые люди закололи леопарда кинжалами [Гильденштедт, 2002: 103]. Очевидно, что сходиться в рукопашную с сильным и опасным хищником крайне рискованно; кинжал в сражении с крупным зверем применяли либо тогда, когда схватка была неожиданной, и другого оружия под рукой просто не было, либо в качестве дополнительного оружия. Б.А. Карпов, охотившийся в разливах Сыр-Дарьи на рубеже 40-х и 50-х гг. XIX в., упоминает о манере подвешивать кинжал к правой кисти на темляке при стрельбе тигра — в том случае, если выстрел не останавливал хищника, времени доставать кинжал из ножен не было. Согласно воспоминаниям автора, в одном случае раненого тигра добились выстрелом в упор в переднюю лопатку и одновременным ударом кинжала: «в тот же момент мой кинжал вошел в грудь между ребрами по самую рукоятку». В другом случае во время преследования раненого зверя, тигр стремительно, не дав сделать прицельный выстрел, напал на ближайшего охотника и подмял его под себя. Дело закончилось благополучно исключительно благодаря удаче: «Во время падения тигр перевернулся к ногам Мантыка, который, имея, таким образом, руки свободными, схватил висевший на руке кинжал, запустил его в брюхо тигра, распорол его нараспашку и затем быстро ударил около лопатки» [Верненский гражданин, 1880а: 80—81; Верненский гражданин, 1880в: 87, 89]. Надо отметить, что охота на тигра в густом тростнике относилась к разряду экстремальных, убитые и покалеченные среди охотников не были редкостью, а столь высокую эффективность кинжал продемонстрировал

в руках поистине выдающегося охотника, позднее также погибшего в схватке с тигром.

Ещё одним животным, традиционно считавшимся почётной добычей в воинских культурах, был дикий кабан. Б.А. Карпов так описывает последствия агрессивных действий крупного кабана⁵: он ранил подвернувшуюся корову, небольшому бычку распорол брюхо, во время облавы атаковал лошадь одного из охотников, «одним взмахом клыков» разрезав ей до кости заднюю ногу повыше колена: «нога моталась как подвешенное полено, кровь лилась неудержимо». Всадник упал, лошадь прожила ещё какое-то время, но спасти её не удалось [Верненский гражданин, 1880б: 86, 87, 89]. Ясно, что схватка с таким зверем требуют изрядного мужества и сноровки. А.А. Черкасов, автор известной книги «Записки охотника Восточной Сибири», написанной по опыту охот 50-х — 60-х гг. XIX в., рассказывает о доборе диких свиней из-под собак следующее: тот из зверопромышленников, кто «половчее и посмелее, проворно подбегает сзади, садится верхом на зверя и прикалывает под лопатку ножом». Впрочем, с секачами «эту штуку» проделывают лишь «некоторые смельчаки»: слишком опасно. Секачей Черкасов рекомендует стрелять, оговариваясь, что стрелять в то время, когда собаки держат зверя и не дают ему хода, трудно — легко задеть собаку [Черкасов, 1867: 604]. Б.А. Карпов упоминает два случая применения кинжала на кабаньей охоте. В первом кабана, раненного несколько раз из огнестрельного оружия, удалось повалить на бок, после чего «кинжал по рукоятку вошёл к нему в рёбра, около передней лопатки». Во втором случае опять-таки раненого кабана двое охотников удерживали на боку, один из них контролировал голову зверя, а второй «запустил кинжал в горло и перерезал его вместе с жилами» [Верненский гражданин, 1880б: 84, 94].

Териомахия: пространство и время. Сравнивая сведения об охоте⁶ на опасных зверей с данными по забою домашних животных, можно сказать

---

⁵ Туша этого кабана без внутренностей весила 191,2 кг [Верненский гражданин, 1880б: 96].

⁶ Здесь и далее под термином “охота” понимается не любая охота, но именно звероборчество — тип охоты, наиболее близкий воинским практикам.

следующее. Пространство и время териомахии организовано принципиально иначе, чем пространство и время мирного жертвоприношения. Разница эта становится очевидной именно тогда, когда мы как бы «располагаем рядом» два хронотопа. Пространство обряда подлежит оформлению в соответствии с вышеустановленными правилами; пространство охоты для воина есть в некотором смысле область неизвестного, вызов и испытание. Охотник не строит клетку из жердей, куда за недоуздок приведут жертву. Попытки как-то оформить пространство охоты с помощью заранее организованной инфраструктуры очевидным образом затемняют героическое начало в охоте, обесмысливают териомахию⁷.

Перемещения участников охоты во время борьбы со зверем ничем не напоминают упорядоченные действия участников ритуального забоя домашних животных. Клубок из псов, насевших на кабана, откуда вылетают «как перестриженные рукавицы», по выражению А.А. Черкасова, собаки, хаотически перемещающийся по вытопанной поляне, не может быть регламентирован, но предлагает охотнику возможность самому броситься в этот хаос и стать его полноправным участником.

Время охоты характеризуется особой динамикой. Если время мирного обряда упорядочено, как бы растянуто и разделено на отдельные фазы, то время собственно звероборчества сжато и сконцентрировано. Дискретность и последовательность обрядового действия гарантирует определённый результат, но уплотнённое время битвы ничего не гарантирует — оно лишь дарует возможность. Отсюда чрезвычайно высокие требования к герою, сражающемуся со зверем: он должен уловить возможность, отыскать ту единственную точку пространства-времени, где и когда удар кинжалом разрешит и завершит ситуацию.

Тактическая ситуация териомахии диктует определённые технические действия. Если в забое домашнего скота обездвиживание осуществляется с помощью верёвок и носит в целом статический характер, то на охоте контроль над зверем имеет характер ситуативный и динамический. Ранение ог-

---

⁷ Полагаю, что периодически высказываемые мнения о том, что «настоящей» охотой не может считаться, например, стрельба по зверю с вышки на овсах, имеют некоторое отношение к рассматриваемым сюжетам.

раничивает зверя, но делает его более опасным; охотник может отвлечь внимание зверя и тем самым дать возможность остальным участникам охоты произвести результативный выстрел, но он сам при этом сильно рискует; собаки могут сдерживать крупного зверя, но не гарантируют безопасности подошедшему охотнику. Динамический контроль над животным может быть описан как пиковая точка, которой предшествует нарастание и за которой следует понижение тенденции. «Моментальный» характер контроля требует краткого действия, в котором как бы совмещаются функции обездвиживания и умерщвления. Этому требованию, судя по приведённым данным, наилучшим образом соответствует колющий удар в область груди, нацеленный в сердце. Соответственно, формульные выражения «вонзить в ребра», «ударить в грудь», «воткнуть под лопатку», «по самую рукоятку» и проч. представляются совершенно неслучайными.

Ещё один момент, заслуживающий упоминания, заключается в том, что колющий удар в грудную клетку имеет повышенную надёжность. Действительно, если вся ситуация сводится в уникальную точку, оказывается как бы «подвешенной на один гвоздь», то этот гвоздь должен быть крепко вбит. Клинок, вогнанный между рёбер по рукоятку, даже если не задевает сердце, с высокой степенью вероятности поражает лёгкие, что резко снижает возможность зверя двигаться. Это та самая надёжность «с запасом», которая в ситуации поединка двух героев может восприниматься как избыточная эффективность, самый простой способ решить дело, не оставляющий места для раскрытия героического этоса.

Териомахия: неравенство позиций. В повести Н.Н. Толстого «Пластун», написанной, по мнению публикатора, в период 1853—58 гг., главный герой произносит следующую фразу: «Ни одного человека я не убил безоружного или врасплох, как зверя, не окликнув его. Я всегда был честный человек!» [Толстой, 1926: 163.] Здесь сформулированы две важные для нашей темы идеи. Во-первых, позиция честного человека предполагает, что нападение на другого человека возможно только при условии, что тот вооружён и готов к противостоянию. Во-вторых, позиция честного человека допускает нападение на зверя врасплох. По сути дела, речь идёт о том, что сражение с

человеком мыслится в форме поединка равных сторон, а сражение со зверем мыслится столкновением двух принципиально не равных участников.

Действительно, отказ от преимущества синонимичен утверждению равенства. Но в отношении зверя от преимуществ никто не отказывается. Дело в том, что зверь (а мы говорим о звере, достойном вооружённой борьбы) по определению сильнее человека. Стоит только представить себе двухсоткилограммового секача или тигра, готового к атаке, и вопрос о равенстве моментально превратится в неуместную абстракцию. Исходя из неравенства сторон в борьбе со зверем не только возможно, но и необходимо задействовать команду охотников, использовать зверей-помощников — собак и лошадей, применить эффективное оружие и, да, напасть неожиданно.

Можно сказать, что мы имеем дело с двумя различными концепциями борьбы или войны: одна из них находит своё точное выражение в териоматии, другая — в единоборстве равных. Интересно, что концепция героического поединка утверждает себя через отрицание «охотничьих» этических норм, что вносит в их отношения оттенок стадийности. В.И. Абаев в специальной статье обратил внимание на то, что в осетинском варианте нартского эпоса есть герои, которые охотно прибегают к «хитрости», а есть герои, которые полагаются только на «силу», при этом, с точки зрения идеологии «силы», хитрость и уловки выглядят недостойно. В целом этот конфликт В.И. Абаев связывает с историческим развитием и с переходом социального доминирования от слоя людей, обеспечивавших религиозно-жреческую жизнь общества, к тем людям, которые отвечали за военное благополучие коллектива [Абаев, 1994: 14, 15, 18]. Обозначив некоторую конфликтность в отношениях двух концепций борьбы, сосредоточимся на культурном статусе колющего удара кинжалом.

Со слабой позиции: пеший против всадника. Ф.Ф. Торнау в своих воспоминаниях об экспедиции в Чечню в 1832 г. приводит следующий эпизод: «Наши конные грузины и татары, посланные вперед отряда, изрубили десятка два пеших молодцов, не успевших уйти с поляны в лес. При этом случае один из них, видя, что ему нет спасения, ухватился за пояс наскакавшего на него татарина и ударил его кинжалом в бок с силой, прогнавшею сквозь тело

широкое лезвие; в то же мгновение сабля татарина опустилась чеченцу на голову, и оба покатались мертвые на траву» [Торнау, 1869б: 139—140]. В реалиях Кавказа XIX в. всадник имел неоспоримое преимущество перед пешим, в первую очередь в динамике перемещений и массе. Кроме исходной более сильной позиции верховой в данном случае имел ещё и ситуативное преимущество: чеченскому воину «не было спасения». Очевидно, что атаковать всадника с земли кинжалом, в преддверии неизбежной гибели, как минимум, сложно. Тем не менее, невыгодная позиция была реализована с максимально возможным эффектом, и центральное место в этой реализации занял колющий удар.

У М.Ю. Лермонтова в романе «Герой нашего времени», написанном в 1838—40 гг., есть в чём-то схожая сцена: «...старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали, — это было в сумерки, — он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков...» [Лермонтов, 1970: 600]. Сравнение с фрагментом воспоминаний Ф.Ф. Торнау наводит на мысль, что М.Ю. Лермонтов имел в виду именно колющий удар. Дополнительным аргументом послужит эпизод из повести Н.Н. Толстого: «Он не успел опомниться, как мы окружили его... Нурай заговорил с ним на их языке. Тот обернулся назад. Нурай воспользовался этой минутой и, вынув кинжал, ударил его так сильно в бок, что тот упал с лошади; кинжал остался в ране» [Толстой, 1926: 131]. В данном случае все участники сцены — всадники, но задача «свалить всадника наземь» здесь однозначно решена колющим ударом кинжала.

Со слабой позиции: женщина против мужчины. С точки зрения соотношения колющего и рубящего ударов кинжалом, чрезвычайно показательна история, случившаяся в Тифлисе в 1803 г. По приказу главноуправляющего Грузией и главнокомандующего кавказскими войсками князя Цицианова генерал-майор Лазарев предпринимал меры по депортации семьи покойного царя Грузии Георгия XII в Россию. Вдовствующая царица Мария всячески препятствовала действиям Лазарева, поскольку согласие с ними означало добровольный отказ от независимого статуса. В конце концов, при угрозе

физического насилия, Мария была вынуждена прибегнуть к крайним мерам. Угрожая кинжалами, вдовствующая царица и окружавшая её свита заставили отступить русских офицеров. Генерал-майор Лазарев взял инициативу на себя, вошёл в комнату царицы и попытался с ней договориться. «Царица, увидя ген. Лазарева, сказала: «Как вы немилосердно со мной поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар?» И при этом она подала ему левую свою руку. Но лишь только взял он её за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновение выдернула из тела. Говорят, якобы она за несколько дней пред тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего свой промысел, как действовать сим оружием» [Тучков, 1908: 203]. Мария зафиксировала положение противника с помощью обмана, а не силы и нанесла колющий удар в корпус. Лазарев умер на месте. Действия в соответствии со «слабой позицией» оказались весьма эффективными.

Для сравнения упомянем, что дочь царицы Марии царевна Тамара, молодая девушка 17 лет, попыталась нанести одному из противников рубящий удар «большим грузинским кинжалом», но промахнулась и рассекла своей матери правое плечо до самой кости [Тучков, 1908: 203; Дубровин, 1886: 70]. Мы видим попытку продемонстрировать доблесть как бы «с сильной позиции», что без должной квалификации закономерно привело к негативному результату.

Интерес в этом описании вызывают также слухи об уроках, которые якобы брала царица. Если это сообщение правдиво, то за несколько дней весьма чувствительная и «притом слабого здоровья» женщина должна была научиться эффективно применять кинжал против заведомо более сильного мужчины. Как видно, колющий удар хорошо сочетается с действиями относительно слабого противника и с «нечестными» уловками вроде притворной болезни. Характерно и то, что обучением Марии занимался «известный разбойник», да к тому же лезгин, а не какой-нибудь родственник царицы из грузинских аристократов. Косвенное присутствие в этой истории разбойника-лезгина (даже в том случае, если этот образ породила молва) подчёркивает

тот факт, что действия царицы Марии выходят за рамки нормативной модели героического поединка.

Суммируя, можно сказать, что наиболее очевидно колющий удар демонстрирует свои сильные стороны в ситуации противостояния заведомо сильнейшему противнику. В этих условиях колющий удар даёт шанс резко изменить баланс сил, однако ни в коем случае не избавляет от риска. Убийство генералов Лисаневича и Грекова Учар-Ходжой, покушение на капитана Левашова со стороны князя Хамурзина, а также нападение неизвестного мюрида на майора Ермолова, — все эти атаки колющим ударом кинжала произведены со «слабой» позиции. Все нападавшие оплатили свои действия головами. На общем фоне случай вдовствующей царицы Марии выглядит исключением из правил. Очевидно, что атака «со слабой позиции» требует не меньшего мужества, чем героический поединок «на равных».

Колоть и рубить

Исследование, казалось бы, частного вопроса о соотношении колющего и рубящего ударов кинжалом обнажает довольно глубокие культурные слои. Мы имеем возможность увидеть «стратиграфию» представлений о героическом во многом благодаря тому, что кинжал оказывается тесно связанным с ключевыми культурными смыслами.

В схватке кинжал применялся на ближней дистанции, что придавало ему качества «последней линии обороны», превращало его в тонкую грань, которая одновременно отделяла воина от смерти и сближала с ней. Так, черкесские абреки, видя, что спасение невозможно, встречали смерть с кинжалом в руках, «зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми» [Торнау, 1864: 459]. Выход на ближнюю дистанцию предполагает стремительное сближение, которое, по сути дела, превращает в оружие самого воина, всё его тело. Такой атаке соответствует психологическое состояние, в котором не должно быть места страху, ибо страх разрушает целостность действия и делает его неэффективным. Именно кинжал оказывается наиболее подходящим оружием для реализации неустранимости и готовности к самопожертвованию.

Разные аспекты применения кинжала актуализируют различные слои представлений о героике. Основной вывод статьи заключается в том, что рубящий удар в большей степени соответствует единоборству равных противников, а колющий - борьбе противников не равных друг другу по силам. Два типа противоборства в чём-то различны и даже противопоставлены друг другу, но в целом можно сказать, что перед нами два способа реализации героического начала в культуре.

Библиографический список:

1. Абаев, 1994 — *Абаев В. И.* Шаман сильнее воина // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева / Сост. В. Я. Петрухин. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН. С. 11—19.
2. Акты, 1884 — Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. председателя комиссии д. с. с. Ад. Берже. Тифлис. Т. IX.
3. Алироев, 1990 — *Алироев И. Ю.* Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение “Книга”.
4. Анисимов, 1888 — *Анисимов И. Ш.* Кавказские еврей-горцы. Отдельный оттиск из “Сборника материалов по этнографии”, издаваемого при Дашковском этнографическом музее. Москва, Типография Е. Г. Потапова.
5. Аствацатурян, 1995 — *Аствацатурян Э. [Г.]* Оружие народов Кавказа. М.: Хоббикнига.
6. Бахтияров, 1905 — *Бахтияров А.* Разные способы убоя животных // Вегетарианский вестник. СПб. № 3. Стлб. 129—138.
7. Бгажноков, 2013 — *Бгажноков Б. Х.* Поединки в традициях феодальной Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Выпуск 2. Сборник научных трудов к 75-летию Исмаила Магомедовича Чеченова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. С. 86—94.

8. Бельгибаев, 2004 — *Бельгибаев Е. А.* Обряд жертвоприношения лошади и его место в традиционной культуре северных алтайцев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Отв. ред. К. Н. Тихомиров, Н. А. Томилов. Алматы; Омск: Издательский дом “Наука”. С. 133—134.
9. Бестужев-Марлинский, 1995 — *Бестужев-Марлинский А. А.* Аммалат-бек. Кавказская быль // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Составление, статья, комментарии Ф. З. Канунова. СПб.: Наука. С. 5—93.
10. Бларамберг, 1999 — *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского, предисловие, комментарии И. М. Назаровой. — Нальчик: Эль-Фа.
11. Блэкмор, 2006 — *Блэкмор Говард Л.* Охотничье оружие. От Средних веков до двадцатого столетия / Пер. с англ. С. Фёдорова. М.: ЗАО Центрполиграф.
12. Ботяков, 2004 — *Ботяков Ю. М.* Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение.
13. Броневский, 1889 — *Броневский С. Б.* Записки из моей жизни // Исторический вестник. Т. 38, № 12. С. 500—512.
14. Верненский гражданин, 1880а — *Верненский гражданин* [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 10. С. 65—83.
15. Верненский гражданин, 1880б — *Верненский гражданин* [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 11. С. 81—96.
16. Верненский гражданин, 1880в — *Верненский гражданин* [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 12. Пагинация I, с. 80—102.
17. Возба, 1991 — *Возба А. [Б.]* Хаджарат Кяхба / Перевод с абхазского Юрия Лакербая. М.: Советский писатель.

18. Военная энциклопедия, 1912 — Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фон Шульца. Т. IX. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина.
19. Гадло, 1994 — *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
20. Гамсахурдиа, 1964 — *Гамсахурдиа К.* [С.] Похищение луны. Тбилиси: Литература да хеловнеба.
21. Гильденштедт, 2002 — *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. / Пер. с нем. Т. К. Шафрановской; Редакция и коммент. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское Востоковедение.
22. Горелик, 1993 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Наука. Издательская фирма “Восточная литература”.
23. Даржа, 2003 — *Даржа В.* [К.] Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / Отв. редактор к. и. н., проф. Г. Н. Курбатский. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН.
24. Дашинимаяев, 2005 — *Дашинимаяев В. Д.* Традиционные способы ухода за скотом и забоя животных у бурят // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 27—29 октября 2004 г. СПб.: МАЭ РАН. С. 194—199.
25. Дубровин, 1871 — *Дубровин Н.* [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. I. СПб.
26. Дубровин, 1886 — *Дубровин Н.* [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
27. Дубровин, 1888 — *Дубровин Н.* [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
28. Дюма, 1988 — *Дюма А.* Кавказ / Пер. с фр.; Перевод недостающих частей, вступительная статья, послесловие, примечания, комментарии и подбор иллюстраций М. И. Буянова. Тбилиси: Мерани.
29. Зиссерман, 1879а — *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Часть I. 1842—1851. СПб.: Типография А. С. Суворина.

30. Зиссерман, 1879б — *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Часть II. 1851—1856. СПб.: Типография А. С. Суворина.
31. Кабардинский фольклор, 1936 — Кабардинский фольклор / Общая ред. Г. И. Бройдо. Вступительная статья, комментарий и словарь М. Е. Талпа. М.; Л.
32. Лермонтов, 1970 — *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени // Сочинения в двух томах. Т. II. М.: Художественная литература. С. 580—720.
33. Марзей, 2000 — *Марзей А. С.* Черкесское наездничество — “ЗекIуэ”. (Из истории военного быта черкесов в XVIII — первой половине XIX века.) М.
34. Мафедзев, 1986 — *Мафедзев С. Х.* О народных играх адыгов (XIX — начало XX в.). Нальчик: Эльбрус.
35. Пирогов, 1849 — *Пирогов Н [И.]* Отчёт о путешествии по Кавказу. СПб.: Типография Эдуарда Праца.
36. Потто, 1885 — *Потто В. [А.]* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Вып. 1. СПб.: Типография Р. Голике.
37. Толстой, 1926 — Толстой Н. Н. Пластун. (Из воспоминаний пленного) / Публикация и вступительная статья А. [Е.] Грузинского // Красная новь. Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. № 7. С. 125—163.
38. Торнау, 1864 — *Т. [Торнау Ф. Ф.]* Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. Т. 53. № 10 С. 391—459.
39. Торнау, 1869а — *Т. [Торнау Ф. Ф.]*. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. Т. 79. № 2. С. 401—443.
40. Торнау, 1869б — *Т. [Торнау Ф. Ф.]*. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. Т. 80. № 3. С. 102—155.
41. Тучков, 1908 — *Тучков С. А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766—1808 / Под редакцией и со вступительной статьёю К. А. Военского. СПб.

42. Хан-Гирей, 1989 — *Хан-Гирей*. Черкесские предания // Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения / Вступительная статья, составление и общая редакция Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус. С. 52—150.
43. Хильден, 2000 — *Хильден К.* О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века / Отв. ред. Д. А. Функ. М.: Издание ИАЭ РАН. С. 74—113.
44. Черкасов, 1867 — *Черкасов А. [А.]* Записки охотника Восточной Сибири (1856—1863). СПб.: Издание С. С. Звонарева.
45. Чурсин, 1957 — *Чурсин Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми.
46. Чурсин, 1913 — *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис.
47. Шереметьев, 2006 — *Шереметьев Д. А.* Колоть или рубить? Способы применения кинжала у народов Кавказа в XIX веке в контексте представлений о сакральном // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб. С. 181—190.
48. Элашвили, 1956 — *Элашвили В. И.* Парикаоба (хевсурское фехтование). Тбилиси: Грузмедгиз.